

ПОВОЛЖЬЕ И УРАЛ — РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ФРОНТИРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ²

Аннотация. В статье проанализированы региональные модели фронтальной модернизации в Российской империи на материале Поволжья и Урала. Выделены три этапа в их развитии: фронтальная модернизация, раннеиндустриальная модернизация. Отмечается тенденция к более прочной интеграции регионов в общестрановое пространство.

Ключевые слова: модернизация, фронтальная модернизация, колонизация, центр, периферия, Российская империя, Поволжье, Урал, протоиндустриализация.

Тема российских модернизаций активно разрабатывалась на протяжении последних десятилетий в отечественной литературе. В опубликованных трудах уже нашел отражение ряд значимых теоретических, историографических и конкретно-исторических проблем истории российских модернизаций. Наиболее полно раскрыты темы цивилизационно-модернизационной динамики России, суб-процессов, моделей модернизации.

Учитывая обширные размеры страны и разнообразие входящих в ее состав регионов, а также продолжительность самой модернизационной трансформации, считаем перспективным выход на региональный уровень (подобный подход динамично развивается. См., например: [2; 13, с. 283–298; 15]) с целью моделирования конкретных региональных модернизаций.

В свое время автором была предложена концепция фронтальной модернизации для анализа развития в периферийных регионах России имперского периода [9, 10, 12]. В основе концепции лежала идея, что незавершенное освоение должно накладывать отпечаток на модернизационные процессы как в указанных регионах, так и в целом в стране. Действительно, фронтальный характер придавал своеобразие российским модернизациям, которое выражалось в следующем: осво-

1 Побережников Игорь Васильевич, д-р ист. наук, директор ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: pober1871@mail.ru.

2 Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Фронтальная модернизация в России имперского периода: модели развития и закономерности трансформации» № 18-09-00427А.

енческом синдроме (подвижность населения, растянутость колониционных процессов, экстенсивный характер аграрной экономики, социально-сословная и этноконфессиональная мозаика и т. п.); постоянной потребности в дополнительной рабочей силе, необходимой для разработки избыточных ресурсов фронтальных зон, повышенной роли транспортного фактора; дифференциации пространства на центр (ядро) и периферию, которые различались по демографическим, социальным, экономическим, административным, культурным признакам; разновекторной диффузии (традиционной и современной) в условиях освоения новых территорий; милитаризации регионов освоения, обеспечивавшей условия для стабильного развития в ситуации «пограничья» и наличия порой враждебного «соседства»; постепенной конвергенции центра и периферии по различным параметрам, расширении институционально-политических, хозяйственных, социокультурных контактов фронтальных зон с центром в качестве перспективы фронтальной модернизации.

Чтобы оценить степень интеграции окраинных территорий, можно прибегнуть к модели «центр – периферия», ориентирующей на выявление взаимодействий центра и территорий, позволяющей вписать историю региона в общестрановой контекст на партнерских правах. В рамках данной модели в качестве центра выступает собственно страна, воплощенная в геополитических проекциях, центральных институтах, констеллирующих национальных символов, социетальных конфигурациях и т. д. «Периферия» же выступает, во-первых, как производная страновых характеристик (институциональных, социальных, культурно-символических; применительно к окраинным территориям данное обстоятельство обусловлено их освоением природой, постепенным распространением на них страновых характеристик под контролем государственного центра); во-вторых, как автономное образование, обладающее своей жизнью, имеющее свою логику развития (что обусловлено уникальностью геополитической позиции региона, занимаемой им экологической ниши, соединения в региональном масштабе разнообразных ресурсов, факторов, своеобразием сложившихся здесь этнокультурных, социально-экономических, институционально-политических ландшафтов, в конце концов — неповторимостью исторической траектории региона); в-третьих, как серьезный фактор развития страны (здесь особенно следует выделить исторические роли, которые играли подобные регионы в освоении смежных территорий в различные периоды времени). Таким образом,

применение центр-периферийного подхода никоим образом не принижает значения региона, но позволяет рассматривать его как участника сложной системы взаимодействий, выступающего то в роли реципиента, то в роли донора, воплощающего как общестрановые закономерности исторического развития, так и активно их формирующего.

Исторические процессы разворачиваются во времени, что требует их обязательной хронологической разметки, установления их связей с временным измерением, т. е. периодизации. Поскольку реальный исторический процесс является многофакторным, результирующим воздействия множества причин, периодизация также должна в идеале учитывать множество измерений. Формат статьи не позволяет рассмотреть буквально все влияния, но мы полагаем, что включение в орбиту внимания таких параметров, как базовые акторы освоения и развития, характер взаимоотношений центральных и региональных институтов управления, доминирующие способы освоения и регионального развития — уже позволяет в первом приближении наметить контуры периодизации региональной истории в ее взаимосвязи с историей страны и государственности. Опираясь на концепцию центр-периферийных отношений, мы полагаем, что по мере освоения и развития региона избыщается такое его качество, как «периферийность», и нарастает значимость характеристик, сближающих его с цивилизационно-страновым «ядром» (подобный подход применительно к истории Урала был предложен в ряде работ: [3, 11]).

Попытаемся сопоставить два восточных региона России, которые сохраняли на протяжении имперского периода освоенческий синдром и в разной степени подверглись воздействию модернизации: это Поволжье и Урал.

Поволжье (в данном случае имеется в виду Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье — Юго-Восток Европейской России) охватывало обширные пространства современных Самарской, Ульяновской, Саратовской, Астраханской областей; восточную часть Пензенской, западную — Оренбургской области; юго-восточную (закамскую) — Республики Татарстан, юго-западную — Республики Башкортостан; западные (прилегающие к р. Урал) территории Казахстана. Территория вытянута в меридиональном направлении; при этом интегрирующим фактором громадного региона выступала р. Волга с ее притоками.

Уральский регион ассоциируется с Уральскими горами. В историографии дореволюционный Урал традиционно рассматривается

в границах четырех губерний — Пермской, Вятской, Оренбургской и выделенной в 1864 г. из состава последней — Уфимской; регион также вытянут с севера на юг вдоль Уральского хребта, который и выступает в данном случае географической осью.

И в истории Поволжья, и в истории Урала можно выделить в качестве первого этапа взаимодействия с метрополией эпоху фронта, которая для данных регионов хронологически частично не совпадает. Для Среднего и Нижнего Поволжья первый этап, когда территория была окончательно закреплена под российской юрисдикцией, приходится на вторую половину XVI – первую треть XVIII века. В этот период Среднее Поволжье было фронтиром Российского государства, обращенным на восток, к кочевому степному миру — ногайцам, башкирам, калмыкам. Граница между оседлым и кочевым мирами была отмечена первоначально линией крепостей (Уфа, Самара, Саратов, Царицын и др.), а затем, с середины XVII в., — засечными линиями, которые обеспечивали дальнейшую колонизацию юго-восточной окраины «Дикого Поля». Пространство региона к югу от Камы стало крупнейшим в России центром добычи ценнейших сортов рыбы, рыбопродуктов и соли. В то же время крупное вотчинное землевладение здесь было развито слабо; аграрное освоение региона заметно отставало от промыслового [5]. Периферийный характер Поволжья по отношению к центру страны в данный период подчеркивался существованием специального центрального органа регионального управления — Приказа Казанского дворца.

В истории Урала XV–XVII вв. — это период первичной колонизации: военно-промысловой в XV – начале XVII в. и аграрной на протяжении XVII столетия. В данный период происходит переход к первичной городской колонизации, становлению сети городов — новых военно-политических центров территории, установлению контроля над новым транзитным транспортным путем, который вел из-за Урала — от городов Великой Перми в районы среднего Приобья и далее в бассейн Енисея.

Создание в 1630–1690-е гг. в Зауралье мощного хлебопроизводящего района решило проблему продовольственного обеспечения как местных городов, так и части городского населения Сибири, подкрепило опорный статус региона для этой новоосвоенной страны. В то же время в данный период Урал по отношению к центру страны выступал в качестве периферии, зоны первичного освоения, что подчеркивалось существованием специального центрального органа регионального управления — Сибирского приказа.

Второй этап, условно фронтальной модернизации, в истории Поволжья можно отнести к 1730–1880-м годам. С середины 1730-х гг. началось интенсивное военное, государственно-административное и экономическое освоение региона; в итоге к середине XIX в. имперская политика в Заволжье утратила военные и внешнеполитические функции. Средневолжский регион из фронта вдоль юго-восточной границы стал превращаться в своеобразную «внутреннюю окраину» России, обладавшую чертами пограничья и одновременно внутренних территорий империи. Процессы модернизации, развернувшиеся в регионе в эпоху Великих реформ, затронули прежде всего инфраструктуру: Поволжье покрылось сетью железных дорог, что приблизило его к промышленным центрам; появились телеграф, телефон, речное пароходство, финансовая и банковская системы. Железные дороги дали мощный импульс формированию пространства хлебного рынка Поволжья и интенсифицировали связи региона с другими частями империи с выходом на мировой рынок. Через постоянный обмен ресурсами, товарами, капиталами Поволжье включилось в многосторонний экономический механизм Российской империи, став его неотъемлемой составной частью. При этом в Заволжье и Южном Приуралье длительное время сохранялся огромный массив свободных земель, чем объясняется постоянный приток мигрантов в данный регион [6, с. 12–13].

К 1880-м гг. в крае сложилась социальная и хозяйственная структура, аналогичная структуре деревни центральной европейской части страны. Однако регион сохранял свои особенности, определяемые не только географическим и природным факторами, но и специфической этнокультурной средой.

Для Урала суть второго этапа (XVIII–1870-е гг.) составляет фронтальная модернизация, которая в технологическом плане здесь в основном совпадает с протоиндустриализацией (становление и развитие мануфактурной промышленности) [1, 7]. Предпосылками протоиндустриализации выступали обеспеченность региона полезными ископаемыми (руды черных и цветных металлов) и другими ресурсами (реки, лес), необходимыми для развития горнометаллургического производства, а также определенный уровень освоенности региона, по крайней мере, в его средней части (сеть постоянных сельских и городских населенных пунктов). На данном этапе в регионе усилиями русской администрации с опорой на местные демографические и природные ресурсы был создан комплекс металлургических заводов, началось экономическое освоение лесостепных территорий. Уже в первой чет-

верти XVIII в. горнозаводский сегмент уральской промышленности стал ведущим и стратегически значимым для всей Российской империи. При этом протоиндустриализация Урала приобрела характер промышленной колонизации: колонизационный характер промышленного развития был обусловлен отсутствием таких его экономических предпосылок, как развитой рынок поземельной собственности, труда, капитала, сырья [8, с. 146–147; 14, с. 193–194]. В результате освоения уральской территории к концу XVIII в. в России был сформирован один из первых ярко выраженных промышленных регионов.

Социально-институциональная структура и менталитет еще в значительной степени носили традиционный характер, но постепенно они модернизировались. Шли процессы рационализации бюрократической организации, нарастания современных черт в сознании заводского и городского населения. Регион выступал в качестве полупериферии по отношению к центру. Но некоторые проявления региональной специфики, в частности связанные с незавершенным освоением, сохранялись. Это, например, военные черты в системе местного управления (общего и отраслевого; особенно на окраинах региона — в Оренбуржье, где в XIX в. краем руководил военный губернатор или генерал-губернатор; последний пост был упразднен лишь в 1881 г., после того как Оренбургский край утратил значение пограничного), мощные традиционные анклав в сельской местности.

На третьем этапе (1880-е – начало XX в.) в стране утверждается модель современного индустриального роста, для которой характерно устойчивое превышение темпов роста производства над темпами демографического роста. По сути, регионы вступают в стадию раннеиндустриальной модернизации. На данном этапе продолжалось складывание Поволжского экономического региона. Его особенностью являлся преимущественно аграрный характер его экономики. Промышленность была ориентирована в основном на переработку сельскохозяйственного сырья и обслуживание земледелия. Поэтому здесь преобладало мелкое производство, такое как мукомолье, рыбодобывающая и перерабатывающая отрасли, торговля и транспорт, преимущественно речной.

Создание в конце XIX в. общеуральской железнодорожной сети содействовало развитию рынка промышленного сырья и топлива, оптимизации внутрирегиональных экономических связей [4, с. 205–214]. Но некоторые проявления региональной специфики, в частности, связанные с незавершенностью освоения, сохранялись до рубежа XIX–XX вв.

Сопоставляя рассмотренные региональные варианты развития, можно сделать вывод, что характер и динамика модернизации существенно различались во фронтальных сообществах. По сути оба региона присоединялись на протяжении XVI–XVII вв., испытывали внешнюю угрозу со стороны кочевых народов и к середине XVIII в. были защищены оборонительными линиями. Военный элемент (особые формы управления; казачество) сохранял свое значение в жизни указанных регионов в разной степени (порой уже очень фрагментарно, применительно к границам) до конца XIX – начала XX века.

Из рассмотренных регионов более благоприятные для модернизации условия имелись на Урале: достаточная освоенность территории к XVIII в., богатство природных ресурсов, возможность заниматься производительным сельским хозяйством, фрагментарные геополитические риски. В результате именно Урал в XVIII в. стал одним из страновых лидеров протоиндустриальной модернизации, несмотря на то что процессы освоения еще были далеки до завершения даже на рубеже XVIII–XIX веков.

В Поволжье длительное время преобладала аграрная специализация в экономическом развитии, причем аграрный сектор медленно включался в модернизационный процесс. Процессы модернизации, развернувшиеся в регионе в эпоху Великих реформ, затронули прежде всего инфраструктуру; в промышленном отношении Поволжье до конца XIX в. оставалось слабо развитым регионом.

При этом в целом для обоих регионов характерна тенденция более прочной интеграции в хозяйственный, социокультурный, политико-институциональный контексты страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Алексеев, В.В.** *Протоиндустриализация на Урале [Текст] / В.В. Алексеев // Экономическая история России XVII–XX вв. : динамика и институционально-социокультурная среда : сб. ст. памяти Л.В. Сапоговской. — Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2008. — С. 63–94.*
2. **Арсентьев, Н.М.** *Московское горное правление в истории российской индустриализации [Текст] / Н.М. Арсентьев. — Саранск: Изд. Центр ИнСтИтут, 2019. — 212 с.*
3. **Артемов, Е.Т.** *Урал в российской истории: диалектика «центр – периферийных» отношений [Текст] / Е.Т. Артемов // Вестн. УрО РАН. — 2012. — № 2. — С. 124–129.*

4. **Гаврилов, Д.В., Алексеев, В.В.** Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: избр. тр. [Текст] / Д.В. Гаврилов, В.В. Алексеев; Ин-т истории и археологии УрО РАН, Уральский гос. техн. ун-т. — Екатеринбург, 2005. — 616 с.
5. **Дубман, Э.Л.** Некоторые особенности освоения юго-востока Европейской России в конце XVI – начале XVIII в. [Текст] / Э.Л. Дубман // Вестн. СамГУ. — 2009. — № 7 (73). — С. 6–11.
6. **Кабытов, П.С., Дубман, Э.Л., Леонтьева, О.Б.** «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.): к постановке проблемы [Текст] / П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева // Вестн. СамГУ. — 2012. — № 8/2 (99). — С. 5–20.
7. **Курлаев, Е.А., Корепанов, Н.С., Побережников, И.В.** Технико-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII–XVIII вв. [Текст] / Е.А. Курлаев, Н.С. Корепанов, И.В. Побережников. — Екатеринбург: БКИ, 2011. — 203 с.
8. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века [Текст]: [монография] / [В.В. Алексеев, И.В. Побережников, А.С. Сенявский и др.]; отв. ред. В.В. Алексеев. — М.: Наука, 2000. — 246 с.
9. **Побережников, И.В.** Особенности фронтальной модернизации (на примере Урала XVIII–XIX вв.) [Текст] / И.В. Побережников // Документ. Архив. История. Современность. — Вып. 11. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. — С. 202–210.
10. **Побережников, И.В.** Азиатская Россия: фронт, модернизация [Текст] / И.В. Побережников // Известия УрГУ. — 2011. — Серия 2: Гуманитарные науки. — № 4 (96). — С. 191–203.
11. **Побережников, И.В.** Урал в истории Российского государства: постановка проблемы [Текст] / И.В. Побережников // Уральский исторический вестник. — 2012. — № 2 (35). — С. 118–126.
12. **Побережников, И.В.** Фронтальная модернизация как российский цивилизационный феномен [Текст] / И.В. Побережников // Россия реформирующаяся. — Вып. 12: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. — М.: Новый хронограф, 2013. — С. 246–274.
13. **Побережников, И.В.** Периферийная модернизация в Российской империи: региональные варианты [Текст] / И.В. Побережников // Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе / Под общ. ред. О.В. Воробьевой. — М.: Аквилон, 2018. — С. 283–298.
14. Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации [Текст] / Отв. ред. И.В. Побережников. — Екатеринбург: УрО РАН, 2006. — 342 с.

15. Кальмина, Л.В. и др. Экономика в региональном «интерьере»: Западное Забайкалье в модернизационных процессах 1880–1930-х гг. [Текст] // Л.В. Кальмина, М.Н. Балдано, А.М. Плеханова, Л.И. Бородкин, Т.В. Паликова. — Иркутск: Оттиск, 2015. — 228 с.

I.V. Poberezhnikov

Volga and Ural Regions — Frontier Modernization Regional Models in the Russian Empire

Igor V. Poberezhnikov, Doctor of Historical Sciences, director, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg; e-mail: pober1871@mail.ru.

Abstract. *The article analyzes regional models of frontier modernization in the Russian Empire based on the material of the Volga region and the Urals. The author identified three stages in their development: frontier, frontier modernization, and early industrial modernization. The author highlighted the trend towards stronger integration of regions into the common country space.*

Keywords: *modernization, frontier, colonization, center, periphery, Russian Empire, Volga region, Ural, proto-industrialization.*

УДК 94(470.5)

И.Н. ЮРКИН¹

НЕВЬЯНСКИЕ БАШНИ ДЕМИДОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. *Статья посвящена изучению истории изготовления башенных часов на Невьянском заводе в годы, когда он принадлежал Демидовым. Приведены сведения о существовавшей в Невьянске башне, которая использовалась для выполнения работ по сборке и наладке таких часов. Опубликован фрагмент документа 1759 года, содержащий сведения о деревянной и каменной башнях в Невьянске. Устанавливается время существования деревянной башни, имена мастеров, которые занимались изготовлением часовых механизмов, названия заводов, на которых при Демидовых существовали такие башни.*

Ключевые слова: *башни, изготовление часов, Демидовы, раздел наследства, Невьянск, облик города-завода.*

¹ Юркин Игорь Николаевич, д-р ист. наук, ФГБУН Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Москва; e-mail: ig-yurkin@yandex.ru.